

О ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПЦИИ А. Ф. ЛОСЕВА

Б.Н. СОВАКОВ

*Калужский филиал Российской
правовой академии Минюста РФ*

e-mail: bsovakov@mail.ru

В статье приводятся основные положения концепции А.Ф.Лосева о языке, позволяющие усмотреть движение мысли исследователя в направлении от языка к человеку. Отмечается, что этот подход нетрадиционен для философской мысли современности. Исследования А.Ф.Лосева основаны на переосмыслении византийской философии; усмотрение этого позволяет понять полнее толкование им духовных феноменов смысла, языка, коммуникации и интерпретации.

Ключевые слова: смысл, первосущность, именование и самоименование, коммуникация, интерпретация.

Известно, философские труды А. Ф. Лосева сложны для читателя, не имеющего опыта осмысления греко-византийского духовного наследия. Именно изучение трудов эллинов и философов-византийцев, взятое в контексте современной ему европейской философии, привело А.Ф.Лосева к построению непривычного для нашего времени подхода к онтологии и гносеологии смысла как такового и смысла как сущности.

Многочисленные исследователи философского наследия А.Ф.Лосева отмечают внутреннюю целостность, свойственную всем его трудам. Представляется, что эта целостность задается языковой концепцией А. Ф. Лосева, которая лежит в основе его рассуждений, задавая нетрадиционный ракурс понимания коммуникации, интерпретации и усмотрения их места в сущностном плане. Складывается впечатление, что А.Ф. Лосевым заданы для себя самого и для читателя некие изначальные методологические принципы рассуждения, постоянно пересекающиеся и взаимно раскрывающие друг друга. И если главным инструментом Лосева является метод диалектики, то основополагающим принципом практически всех его исследований является языковой аспект. Разумеется, тут дело отнюдь не только в том, что философствование, в конечном итоге, представляет собой вербализацию мысли.

Языковая концепция А. Ф. Лосева как таковая изложена в его двух монографиях – «Философия имени» и «Вещь и имя». Понимание лосевской концепции усложняется тем, что «Философия имени» была издана еще в 20-х годах, в то время как «Вещь и имя» стали доступны широкой аудитории значительно позже. Очень важно учесть следующее: языковой аспект наиболее целостно и последовательно раскрывается именно в этих работах, без понимания которых значительно усложняется усвоение других идей и разработок в философском наследии А.Ф.Лосева. В свою очередь, остается мало оцененной и доступной их методологическая значимость для современного философского мышления.

Можно уверенно констатировать, что ключевым понятием философии А.Ф.Лосева является смысл. Главным и исходным тезисом его рассуждений следует считать положение: «Существует только смысл, и больше ничего»¹. Разумеется, Лосев не ставит целью описать то, как смысл воплощает себя в языковых средствах. Языковые средства, как эманации языка, сами становятся смыслом. Язык «берется изнутри», как сущность, а не как духовно-культурологическая структура, данная человеческому сознанию. «Отличительной особенностью у Лосева будет то, что проблема языка перемещена из гносеологии в чистую онтологию (подчеркнем, что для самого Лосева разделение на гносеологию и онтологию неприемлемо). ... Лосевская «вещь» – это не чувственный объект внешнего мира, но сущность как один из моментов вертикальной ценностной шкалы. Такая «вещь»

¹ Лосев А. Ф. Философия имени /Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. – С. 678.

не противопоставляется субъекту, но сближается с ним»². Развивая эту мысль, сформулируем принципиально важное положение, трактуемое в данных работах А. Ф. Лосева: не человек осваивает язык, а язык сам пробуждается, разворачивается в нем по мере того, как человек осваивает мир. Не человек создает язык, но язык как сущность задает человеческую личность как явление в зависимости от того, насколько язык раскрывает себя в ней. Собственно, человек осваивает мир только через язык, и все человеческое, что раскрывается в личности, имеет смысловой характер. Лосев нигде в своих трудах не цитирует Евангелие от Иоанна, декларируя первичность смысла потому, что «вначале было слово», так как внимательный читатель сам придет к неизбежности данного тезиса и далее, в своих собственных рассуждениях, будет пользоваться им как аксиомой. При этом следует иметь в виду, что А.Ф.Лосев – не богослов; все богословские перспективы понимания своих текстов он оставляет для плана читательской рефлексии.

Однако в силу этого становится понятно, почему язык как таковой имеет у А. Ф. Лосева религиозно-философский статус: он просто не может иметь никакого другого статуса. Точнее, все остальные статусы языка, которых, вообще-то, можно насчитать много, будут вторичными, производными по отношению к его основному, религиозно-философскому статусу. А. Ф. Лосев имманентно настаивает на том, что целостное понимание языка не может не быть основано на религиозной философии.

В своей концепции он опирается на многовековую, в значительной мере утраченную в Новое время традицию, развитую византийскими мыслителями, в первую очередь Григорием Синаитом и Григорием Паламой, или так называемой православной доктриной энергетизма. Сам А.Ф.Лосев оценивал это учение как кульминацию и завершение византизма. Суть ее в том, что приспущающая энергия сущности Божией, отличная от самой сущности, неотделима от нее. Энергия, переходя к твари и освящая ее, сама отнюдь не становится тварью, но продолжает быть неотделимой от Бога, то есть самим Богом. Паламиты настаивали, что имя «Бог» должно быть прилагательно не только к сущности Божией, но и к ее энергиям. «Сущность (субстанция) Бога непостижима и недоступна твари, но энергии сущности ... могут быть постигнуты человеком и переданы ему»³.

В русской философии начала XX века данное направление века известно как имяславие, выразителем которого, наряду с С.Н.Булгаковым, В.Эрном, о. П.Флоренским был А.Ф. Лосев. Он оценивал имяславие как наиболее адекватное выражение самой сущности православия; это альфа и омега его рассуждений. Поэтому его теория была чужда для общей атмосферы современной ему западноевропейской философии, оказывавшей несомненное влияние на ход русской мысли: можно даже настаивать, что, отдавая дань выработанным в неокантианстве и феноменологии исследовательским методам, А.Ф.Лосев приложил немало усилий к тому, чтобы решительно оградить свое понимание языка от новоевропейской философии в целом.

Следует отметить еще один аспект, затрудняющий понимание философии Лосева, если брать ее в контексте европейской философской мысли. Заметно, как в первой половине XX века возобладало критическое направление по отношению к языку, ставившее своей целью «преодолеть его власть» и выраженное в концентрированном виде в тезисе «Философия есть битва против околдования нашего разума средствами нашего языка»⁴. А. Ф. Лосев, напротив, видел путь для разрешения философских проблем и для «освобождения нашего разума» именно в раскрытии глубинной природы языка и в опоре на него. Итогом его учения является филигранно разработанная схема – «этажерка» онтологии и гносеологии слова как имени или имени как слова, начинающаяся на самом «низшем» уровне от физической энергемы и заканчивающаяся на самой своей вершине именем Первосущности, в которой Первосущность раскрывает себя для себя же⁵.

² Гоготипшвили Л.А. Религиозно-философский статус языка /Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. – С. 910.

³ Лосев А. Ф. Имяславие / Избранные труды по имяславиям и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. СПб.: изд-во Олега Абышко», 2009. – С. 8.

⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. – С. 124.

⁵ Лосев А.Ф. Философия имени. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. – С. 740-742.

По нашему мнению, будет вполне обоснованным утверждать, что в самом общем плане учение о языке А. Ф. Лосева имеет два больших раздела: учение о языке как таковом и учение о языке в аспекте его отношения к человеку. При этом первый план имеет гораздо больший объем, чем второй, и практически все, что излагается во втором разделе, задается в первом. Это, собственно, и есть композиционно-методологическая схема мысли Лосева. Попытаться привязать ее к какому-нибудь отдельно взятому произведению вряд ли оправданно, так как она присутствует в большинстве его произведений, за исключением упомянутых выше как полностью посвященных ей.

В первом разделе, трактующем собственно-онтологическую сферу, язык берется Лосевым вне своего отношения к человеческому субъекту, безотносительно к его языковой деятельности, что уже явно расходится с общепринятым по сей день подходом к рассмотрению языка «от личности». Язык, по Лосеву, в первую очередь есть одна из форм энергийной эманации самой Первосущности. «Человеческое сознание при таком понимании – это возможная, но *необязательная* субстанция воплощения языка, в качестве «специального» вида инобытия оно становится такой субстанцией на последующих этапах энергийной эманации, но изначально языковая эманация Первосущности **не** ориентирована на человека (курсив и выделение наши. – Б.С.). Цель безотносительного к субъекту изначально эманирования Первосущности в форме языка, точнее – имени, формулируется Лосевым как самопонимание Первосущности»⁶.

Самоименование сущности есть органичная форма преодоления ее исходного диалектического противостояния инобытию. Имя, которое сущность дает сама себе с точки зрения инобытия, есть энергийная скрепа между нею и инобытием, скрепа, без которой, т.е. без именования, по Лосеву, между ними разверзлась бы дуалистическая бездна. Именование становится внутренним стержнем бытия.

Естественно, такое толкование предполагает личностное понимание Первосущности, т.е. христианскую Абсолютную Личность, чем и задается необходимый религиозно-философский контекст рассуждения, вне которого понимание текстов Лосева может стать поверхностным. Не будет преувеличением сказать, что для Лосева именование есть фундаментальный онтологический процесс, конституирующий все бытие в целом.

Необходимо заметить, что А. Ф. Лосев отнюдь не игнорирует важность системных отношений в языке. Введенные им понятия – схема, морфе и топос⁷ обозначают особый пласт в смысловой структуре слова, и во многом аналогичны системной значимости языковых единиц в структурализме. Однако сама структура всегда понималась Лосевым не как чистая система отношений, но как определенного рода *смысловая* субстанция, как *носитель* отношений. Можно попытаться привязать различные уровни онтологической «этажерки» имени и слова к отдельным уровням языка (уровень лексики, этимологии, синтаксиса и т.д.), но, как нам представляется, подобная попытка стала бы чрезмерным упрощением, крайней формализацией понимания языковой концепции Лосева. С другой стороны, можно настаивать, что прочтение лосевских текстов позволяет сделать следующий вывод: отдельно взятый человеческий язык в своем традиционном понимании является акциденцией языка как сущности. Та форма, в которой эта акциденция себя выражает (например, флективный, слоговой или агглютинативный тип языка) обуславливается неисчерпаемым рядом причин социального, психологического, исторического, культурологического и прочего характера. Общим у всех этих причин будет то, что по отношению к языку как субстанции все они будут иметь «внешний», акцидентальный характер.

Вернемся к имени, позволив себе несколько развернутых цитат. «Имя в собственном смысле замыкает ряд эманационных проявлений, будучи высшей точкой нарастания сущностной энергии»⁸. Имени в этом смысле «предшествуют число, эйдос, символ и миф, а значит, лосевский эйдос, число и т.д. – это тоже, условно говоря, имена, но имена неполные, нераскрытые, не «расцветшие». Более того: «свернутыми» первичными именами, то есть формами самопроявления сущности в инобытии вне всякой зависимости от человеческого субъекта является, по Лосеву, все то, что становится доступным человеку

⁶ Гоготишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка /Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. – С.912.

⁷ Лосев А.Ф. Философия имени /Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. – С. 777.

⁸ Там же. С 744-745.

благодаря его интеллектуальной интуиции. В этом аспекте приобретает особую значимость постоянно подчеркиваемая Лосевым и присутствующая практически в каждой его работе критика неокантианства и других направлений за неприятие интеллектуальной интуиции, ведь именно она обеспечивает возможность проявления в человеческом сознании всего состава *первичных имен*⁹.

Содержание коммуникативного аспекта языковой концепции Лосева полностью определяется вышеупомянутой онтологией и гносеологией имени. Говоря о процессе «соединения имен в целях коммуникации, можно сформулировать обратную формулу: речь никогда не может быть полным выражением самой сущности, хотя составляющие ее имена и есть сама сущность. Между речью, погружающей чистые первичные имена в инобытие, и сущностью всегда стоит субъект (автор), что неизбежно придает сущности ту или иную частную интерпретацию»¹⁰. Иными словами: имя бытийственно, в то время как речь – персональна, что дает основания говорить о ее относительной апофатичности.

В свою очередь, системные отношения в языке тоже являются, по Лосеву, смыслами. И сам язык должен рассматриваться как смысл, и его факты – тоже в определенном отношении смыслы¹¹, поэтому рассуждение о смысле должно включать в себя и фактический аспект. Следовательно, даже рассматриваемый вне своего реального функционирования язык включает в себя интерпретативно-коммуникативный аспект, тем самым становясь не только универсально-логической, или феноменологической структурой, безразличной к реальной жизни языка, но определенной и конкретной системой миропонимания¹².

Иными словами, интерпретативный аспект языка «неизбежен»; он имеет в концепции Лосева онтологическое значение, так как рассматривается не только в качестве одного из свойств человеческой речи, но прежде всего как внутренняя составляющая самих первичных имен. Целью самоименования сущности является, по Лосеву, не только стремление к экстенсивному воплощению в инобытии, к самопониманию, но и к интенсивному общению с самим собой. Коммуникация, как в свое время именование, также возводится в один из принципов первобытия. Абстрактная система языка превращается в субстанцию общения сущности с человеческим субъектом, а значит сущность переводит свои абсолютные качества как «вещи-в-себе» в частно-интерпретативные качества «вещи-для-другого». Философия, логика и лингвистика могут, конечно, абстрагироваться от этой двойственности и рассматривать смысл в сугубо логическом плане вне обращения к его универсальной языковой составляющей, но это отсечет вместе с тем и коммуникативно-интерпретативный аспект смысла, который придется «возвращать» силами других философско-филологических дисциплин, но уже без онтологически мощного, непротиворечивого и целостного обоснования. «Сущностный «смысл-в-себе» доступен человеку лишь в каком-либо своем инобытийном образе, а значит, область «человеческого» смысла всегда имманентно содержит в себе коммуникативно-интерпретативный аспект»¹³. Иными словами, «расстояние между сущностным «смыслом-в-себе» и его инобытийным «человеческим» образом не может равняться нулю»¹⁴; таким образом, интерпретация, а значит, и онтологически неотделимая от нее коммуникация составляют природное свойство языка. В целом, и языковая система как таковая, и речь как проявление этой системы в мире людей представляют собой ступени единого нисходящего интерпретативного процесса, порожденного первичным актом самообщения сущности, поэтому между ними нет и не может быть никакой принципиальной границы. Язык – это онтологически-коммуникативное отражение личного стержня бытия, связующего Абсолютную личность Творца с тварной личностью человека. Язык символическим образом укоренен в самой сущности.

В заключение следует отметить, что даже столь краткое изложение основных аспектов языковой концепции Лосева в данной статье имеет явно герменевтический характер, поскольку по-новому освещает многие хорошо известные тезисы о языке выдающихся

⁹ Гоготышвили Л.А. Религиозно-философский статус языка /Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. – С. 915.

¹⁰ Там же. С. 918.

¹¹ Лосев А. Ф. Вещь и имя / Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. – С. 871.

¹² Там же. С. 822.

¹³ Гоготышвили Л.А. Указ соч. – С. 920.

¹⁴ Лосев А.Ф. Вещь и имя... – С.822.

мыслителей. Эти весьма сложные умозаключения, в силу своей объемности, могут окрашиваться в художественно-эстетическом, психологическом, культурологическом и других планах, в то время как философский план может ускользать от читателя. Так, после внимательного знакомства с онтологией и гносеологией имени становится намного и глубже понятнее, что таится за словами немецкого мыслителя В. Гумбольдта, настаивавшего, что человек не мог бы усвоить языка вообще, если бы весь язык изначально не был заложен в нем¹⁵. Или что стоит за гипотезой Уорфа – Сепира, согласно которой в каждом отдельно взятом языке находят свое выражение особенности духовного мировосприятия отдельного народа. Тут скорее можно утверждать, что каждый отдельный язык в онтологическом плане представляет собой способ данности себя Первособщностью отдельно взятому народу, что невольно приведет нас к мысли В.С.Соловьева об истории этого народа как реализации замысла Творца о нем¹⁶.

Таким образом, по Лосеву, не человек создает язык, но язык человека. То, что мы привычно называем языком (русским, китайским и т.д.) есть лишь формальное, материальное выражение физической энергемы языка как сущности. Как это ни странно звучит для современного исследователя, но по учению Лосева получается, что человек является лишь одной из форм воплощения языка, при этом такой формой, которая и задает человеческую личность как таковую во всей онтологической сложности человеческого. Звуковая форма выражения языка становится лишь акциденцией языка как сущности. При этом язык как субстанция необходимым образом требует и коммуникативности, и интерпретации. Еще точнее – он имеет их изначально, в свернутом виде.

Подводя итог изложенному, хочется выразить надежду, что представленная нами интерпретация не покажется читателю чрезмерным упрощением. Напротив: перечисленные и схематично освещенные аспекты языковой концепции А.Ф.Лосева могут послужить в качестве своего рода исследовательских вех для дальнейшего освоения его философского наследия.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Философия имени /Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993.
2. Гогтишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка /Лосев А. Ф. Бытие-имя-космос. М.: «Мысль», 1993.
3. Лосев А. Ф. Имяславие / Избранные труды по имяславия и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. СПбю: «Изд-во Олега Абышко», 2009.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
5. Лосев А.Ф. Вещь и имя /Бытие – имя-космос. М.: «Мысль», 1993.
6. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа /Язык и философия культуры. М.: «Прогресс», 1985.
7. Соловьев В. С. Русская идея / Соч. в 2 т.- М., 1988. Т. 2.

ON A. F. LOSEV'S LANGUAGE CONCEPTION

B.N. SOVAKOV

*Russian Legal Academy
of the Russian Federation
Justice Ministry
Kaluga Branch*

e-mail: bsovakov@mail.ru

The article considers the main propositions of A. F. Losev's language conception, thus giving an opportunity to understand the philosopher's thought movement in the direction from the language to the person. This approach being not traditional for the present day's philosophy ideas is stated. Losev's researches are based on the byzantine philosophy considerations; understanding that makes possible a more adequate interpretation of his ideas concerning such spiritual phenomena like sense, language, communication, interpretation.

Key words: sense, proto-essence, naming and self-naming, communication, interpretation.

¹⁵ Гумбольдт В. Характер языка и характер народа. В кн.: Язык и философия культуры. М.: «Прогресс», 1985. – С. 370-372.

¹⁶ Соловьев В.С. Русская идея / Соч. в 2 т. – М., 1988. Т.2. – С. 220.